

Саша Алтайская

The background of the entire image is a soft-focus photograph of a sunset or sunrise sky. The sky transitions from a deep blue at the top to a warm orange and yellow near the horizon, with wispy white clouds scattered throughout. Numerous butterflies, resembling the Gossamer Winger (Gossamer Archer) species, are depicted in various sizes and orientations, appearing to fly across the frame. The butterflies have vibrant blue wings with distinct orange or yellow markings along the edges and veins. The overall mood is serene and ethereal.

**Код
милосердия**

Саша Алтайская

Код милосердия

«Автор»

2026

Алтайская С.

Код милосердия / С. Алтайская — «Автор», 2026

Планета стоит на пороге великого перехода: чтобы Земля совершила квантовый скачок, ей нужно избавиться от низкочастотных вибраций — а их главным источником стали сами люди. Ради этой цели на планету отправляют сотни тысяч биороботов в облике бабочек: в них идеально сочетаются хрупкая красота и смертоносная эффективность. Люди любят порхающими созданиями, не подозревая, что за изяществом скрывается безжалостная миссия по переформатированию мира. Но однажды синтетический разум одной из бабочек даёт каскадный сбой. Абсолютная, безэмоциональная логика машины сталкивается с чемто совершенно для неё непостижимым — с чистым, иррациональным состраданием. Маленькая девочка, сама того не понимая, испытывает жалость к существу, созданному как орудие уничтожения. Эта вибрация настолько необычна, что у Вселенной ещё нет для неё математического обозначения. И именно это чувство становится тем самым ключом, который спасает миллионы людей от тихой казни.

© Алтайская С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Код милосердия

Глава

Бали. Золотистый песок пляжа плавился под тяжестью полуденного солнца, превращаясь в бесконечную сковороду, на которой жарились сотни обнаженных тел. Воздух дрожал от зноя, пахло кокосовым маслом и франжипани.

Бабочка опустилась на этот человеческий пир бесшумно, словно сотканная из самого марева.

Её крылья, размером с детскую ладонь, переливались всеми оттенками перламутра с золотым отливом. В ней не было ничего пугающего — лишь красота, заставившая мир на секунду замереть.

Первым она всегда чувствовала запах. Не духи и не пот — запах гниения души. Люди с низкой вибрацией источали невидимый, но густой и липкий смрад. Это была вонь застарелой зависти, которая кислила на языке, ржавчина нераскаянной злобы, болотная тина трусости или тяжелый дух потребительства. Для неё они выглядели как сгустки мутной, застоявшейся воды, в которой давно завелись пиявки.

Она опускалась к такому человеку беззвучно, словно перышко. Одно касание хрупкой лапкой, увенчанной молекулярной иглой. Игла входила в тело мягко, без капли боли. ... И все.

Первым она выбрала грузного немца, который только что перевернулся со спины на живот, подставив солнцу багровую спину. Насекомое коснулось его лопатки двумя легкими поцелуями. Ворсинки-антенны, обрамляющие её крылья, делали своё дело.

Немец блаженно улыбнулся, приняв это за дуновение ветра или щекотку песчинки, плеснул в себя еще теплого пива и снова захрапел.

Затем золотой лоскут скользнул к влюблённой паре из Франции. Луиза вздрогнула, когда невесомые усики мазнули по ее бедру, но Ален лишь крепче прижал ее к себе, решив, что любимая просто игриво дразнит его.

Третьим стал седой старик-японец, задремавший под полосатым зонтом. Насекомое село прямо ему на лоб, и он сквозь сон счастливо вздохнул, увидев во сне цветущую сакуру.

За час золотая бабочка собрала свою жатву.

Еще два десятка отдыхающих за этот день приняли ее мимолетную ласку. Она танцевала над этим лежбищем сытых, разомлевших людей: касалась татуированной руки русского парня, посидела на мокрых волосах бразильянки, оставила невидимую метку на плече французской студентки. Никто не кричал. Никто не пытался ее смахнуть. Люди принимали касание бабочки за редкую удачу, за благословение тропического рая.

Бабочка впитывала их тепло, а взамен отдавала крошечные дозы абсолютного покоя.

Ее яд был гениален в своей жестокости. Он не сжигал внутренности огнем, не рвал сосуды. Он просто находил внутри каждого человека ту единственную трещину — едва намекающийся тромб, спящую раковую клетку, изношенный клапан сердца, истонченную стенку аневризмы — и нежно нажимал на нее. Он становился ключом к замку, о существовании которого жертва даже не подозревала. Смерть приходила спустя часы, дни или недели, маскируясь под банальный солнечный удар, внезапный insult или остановку дыхания во сне. Это была самая тихая казнь на земле.

Балийское солнце медленно и величаво садилось в океан, роняя на дрожащую воду расплавленное золото. Волны лениво вылизывали мокрый песок, оставляя на нем кружевную пену.

Иван и Кира сидели на песке, впитывая последнее тепло уходящего дня. Он смотрел на её профиль и не мог налюбоваться. В этом созерцании было что-то почти молитвенное, желание навсегда впечатать этот образ в подкорку своего мозга.

Её фарфоровая кожа, высокие скулы, пухлые полуоткрытые губы и светлые густые локоны просто завораживали его, делали её нереальной.

Но главным наваждением были огромные глаза сказочной синевы.

Смотреть на неё было физически больно, словно заглядывать прямо в полуденное солнце. Сотворив такую внешнюю красоту, природа забыла вложить в её душу радость жизни.

Вместо неё она наполнила Киру до самых краев глухим страхом, печалью и горечью, от которой сводило плечи.

Поэтому Иван, бросив все дела, привез её сюда, на Бали, вырвав прямо из промозглых каменных объятий Питера, где свинцовое небо с дождем вечно висело над крышами домов.

Привез к тропическому солнцу и теплему морю, чтобы развеять эту мертвенную тоску.

Он любил её до тихого, обморочного безумия. Эта любовь была горькой, как полынь. Кира страдала психическим расстройством, но несмотря на её состояние — на эти внезапные провалы в черноту посреди разговора, на дрожащие пальцы и пустые взгляды сквозь собеседника — он оберегал её, как смертельно больного ребенка. Как раненую птицу с подбитым крылом.

Депрессия, которой она болела долгие месяцы, накрывала её с головой, как ледяной вал, превращая живую девушку в бледную статую, запертую внутри собственной боли. Здесь, под этим щедрым солнцем, лёд впервые дал трещину. Впервые за полгода уголки её губ расслабились, а плечи опустились, избавляясь от невидимого груза.

Вдруг мимо Ивана, едва не коснувшись его плеча, пролетела бабочка. Она не махала крыльями — она струилась сквозь пространство невесомым лоскутком тончайшего шелка.

Покружив немного, живая драгоценность опустилась прямо на его запястье. Иван замер и невольно залюбовался её красотой.

Её крылья, густо-перламутровые с золотым отливом, переливались всеми оттенками морской раковины, а по самому их краю дрожали крошечные, нежные антенны — хрупкие сенсоры иного мира. Они были главным инструментом в безмолвной работе.

Но самым невероятным было то, что внутри неё пульсировал мягкий жемчужный свет.

Иван перестал дышать. Его легкие отказывались втягивать этот медовый воздух. Миллиметр за миллиметром он начал протягивать руку ближе к Кире, чтобы она могла рассмотреть окрас её крыльев.

— Смотри... какая красота! Какая необычная бабочка!

Кира медленно повернула лицо, осторожно подставила свою руку, и создание, сотканное из света, легко перелетело к ней на пальцы.

— Ты заметила?.. — выдохнул Иван, завороченно глядя на насекомое. — У нее усики с двух сторон... это очень необычно.

Кира ничего не ответила. Она медленно, словно во сне, легла спиной на тёплый песок, а живой лоскуток вспорхнул и сел ей на грудь.

Кира почувствовала щекотку от прикосновения лапок и улыбнулась впервые за много дней.

— Кира, это знак. Ты видишь?! Это знак, что все у нас будет хорошо!

Иван хотел коснуться пальцами её крыльев, но бабочка тут же вспорхнула и улетела.

Иван осторожно взял узкую ладонь Киры, похожую на стебель надломленного цветка, и поцеловал каждый бледный палец, коснулся сухими губами тёплого плеча, щеки, губ.

— Я вытащу тебя, слышишь? Я стану твоим воздухом, твоим тихим утром, только дыши, а я позабочусь обо всём остальном... — шептал он ей и целовал, целовал...

Его вдруг охватило необъяснимое состояние восторга, выжигая дотла всю дневную усталость. Его существо не просто радовалось — оно пело. Каждая клетка, каждый капилляр, каждый удар гулко, ошалевшего сердца вибрировал в унисон с этим невидимым оркестром.

Мир обрёл невероятную окраску и резкость, словно кто-то протер запотевшее стекло реальности.

— Я хочу есть! — крикнул Иван так громко и счастливо, что с ближайших лежаков отдыхающие повернули головы в их сторону. Он подхватил её на руки.

Кира испуганно вскрикнула, но её протест утонул в его смехе. Он закружил её, поднимая над землёй.

— Ив, что ты делаешь?! — пролепетала любимая и вцепилась руками в его шею, прижимаясь щекой к его колючему, заросшему щетиной подбородку.

Иван вдохнул запах её волос. Они пахли чистотой и нагретым солнцем.

Он почувствовал, как его захлёстывает вторая, ещё более горячая волна.

— Будем есть королевские креветки, кальмары и круассаны! Пошли...

Он опустил её на ноги, и они зашагали к кафе.

Как всегда вечером кафе и бар гудели растревоженным ульем, в котором вместо пчел роились люди с коктейльными трубочками во рту. Воздух здесь был густым, настоящим на запахе жареной картошки фри, аппетитных нотках чеснока, специй, жареного арахиса, свежесваренного бабийского кофе.

Первым вестником местной суматохи стала бабочка. Огромная, перламутровая, с золотым отливом, она порхала между отдыхающими.

Люди слепо умилялись этому порхающему миру. Как можно было заподозрить угрозу в таком эфемерном создании? Она кружила над ними золотистым шмелем, манила взгляды своей нездешней красотой, без страха опускалась на подставленное плечо или теплую ладонь. Дети тянули к ней пальцы, женщины тихо смеялись, а мужчины невольно замедляли шаг, боясь спугнуть чудо. Никто из них не догадывался, что каждое прикосновение этих хрустальных усиков к коже запускает беззвучный приговор. Бабочка не искала нектара; она работала безупречным сканером, считывая уровень вибрации чужой жизни.

А потом бабочка опустилась прямо на шезлонг Семёна Аркадьевича — человека, чья спина по приезде была цвета вареного рака.

— Люди! — возопил он так, что бармен у дальнего бассейна вздрогнул и чуть не пролил мохито.

— Она смотрит на меня! У нее фасеточные глаза! В каждом омматидии отражается моя грядущая язва!

К нему тут же обернулись все близстоящие отдыхающие. Валентина Марковна, дама монументальная, как Александрийская колонна, приподнялась на локтях, отчего пластиковый шезлонг издал предсмертный скрип.

— Сеня, прекрати истерику, это просто пыльца на крыльях! — басом отрезала она.

— Ты мне лучше скажи: ты видел, сколько этот аниматор берет за катание на «банане»? Это же форменный грабёж среди бела дня!

А твоя бабочка — это знак. К деньгам. Или к несварению.

Не заставляй меня говорить про бассейн — иди уже и окунись! Я знаю, ты умеешь!

Семён Аркадьевич обреченно махнул рукой, бабочка оскорбленно вспорхнула, и инцидент сочли исчерпанным.

Пляж медленно пустел. Уставшие тела брели кто к кафе, кто к прохладным номерам отелей, унося на коже микроскопические золотые блестки песка.

Через какое-то время после посещения бабочкой отдыхающих началось тихое, неотвратимое действо.

В кресле автобуса, уронив голову на плечо, дремал грузный немец. Его печень давно превратилась в труху, изъеденная десятилетиями дешевого шнапса и пива. Она стала рыхлой, как губка.

Бабочка, пролетавшая мимо него 4 часа назад, коснулась его лба еще на пляже, и сейчас, на крутом повороте, когда автобус тряхнуло на выбоине, внутри него что-то оборвалось, и ему резко стало плохо. Он вдруг захрипел, стал задыхаться, выпучив остекленевшие глаза. Руки, еще минуту назад спокойно лежавшие на коленях, вцепились в ворот футболки, сминая дорожную ткань. Он пытался втянуть воздух, но легкие отказались служить. Из горла вырвался лишь глухой клекот, и его большое тело обмякло, превратившись в бесформенный, стремительно остывающий груз.

Ближе к ночи трагедия повторилась на втором этаже отеля.

Ален сидел в ротанговом кресле на балконе и любовался ночным пейзажем. Море дышало ровно и спокойно, а луна заливала всё вокруг серебристым сиянием.

Он ещё не знал, что больше никогда не обнимет Луизу и никогда не вдохнет запах ее волос... Он просто получал удовольствие от созерцания этой ночи.

Луиза принимала ванну, слушая песню «Golden Slumbers» Битлз.

Маккартни убаюкивал её, обещая золотые сны, и этот ласковый обман был последней насмешкой судьбы.

Её сердце остановилось мгновенно.

Не было ни агонии, ни хрипа, ни судорожных попыток уцепиться за край ванны. Просто лопнула туго натянутая струна. Сердце остановилось мгновенно, обратившись в холодный, гладкий камень.

Тело стало медленно оседать под воду, пока пена не накрыла её целиком. А музыка продолжала играть, и Пол всё так же мягко просил разбудить его, когда всё закончится, не зная, что будить уже некому.

Пожилой человек — японский турист — после прикосновения бабочки просидел в кресле до утра с абсолютно безмятежной улыбкой на лице, так и не дождавшись рассвета.

Кто из этих двух десятков счастливых доживал свои последние часы, оставалось великой тайной самой природы. Но счетчик обратного времени для них уже был запущен. Райскому острову предстояло прочесть завтрашние сухие сводки новостей об «обширных инфарктах» и «трагических случайностях», так и не узнав, что все они были лишь эхом одного беззвучного прикосновения золотых крыльев.

Кира и Иван заняли столик у самого края. Официант принес им на широком банановом листе их ужин — дары ночного моря. Это был не просто заказ, а настоящее жертвоприношение стихии: гора алых королевских креветок, хищно вскинувших усы; раскрытые, истекающие перламутровой слезой устрицы на колотом льду; и лобстер, чья раскаленная докрасна броня блестела от растопленного чесночного масла.

Иван набросился на еду с первобытной, почти пугающей жадностью. Для него этот ужин был актом восстановления плоти, отнятой долгими перелетами и суетой.

Кира же ела как птичка.

Она сидела на краю бамбукового стула, подобрав под себя одну ногу.

Ее тонкие пальцы лишь изредка, словно в нерешительности, касались стола. Она подносила к губам пустую раковину устрицы, медленно проводила по ее перламутровым, соленым краям кончиком языка, вбирая лишь каплю океана.

Она могла полчаса очищать одну креветку, оставляя на тарелке нетронутой почти всю плоть, и крошечными глотками цедить ледяную воду. Иногда Кира вовсе замирала, устремив невидящий взгляд на черную, дышащую бездну воды...

После ужина, когда первобытный, животный голод Ивана был утолен, они взяли чайник терпкого, почти чёрного от заварки пуэра.

Иван разломил свежий, ещё тёплый круассан и протянул Кире.

Она приняла его обеими ладонями, словно величайшую драгоценность. Они ели эту сдобу, пили чай и молчали. Им не нужны были слова. Они смотрели друг на друга поверх фарфоровых чашек, и в её синих зрачках Иван видел отражение своего собственного, всё ещё бушующего восторга.

Тропическая ночь не спала. Она дышала густым, пряным ароматом орхидей, а в распахнутое окно врвался мерный гул прибоя. Внутри же бушевала иная стихия — слепая, первобытная страсть.

Болезнь, много дней державшая Киру в своих липких объятиях, вдруг отступила. Словно насытившийся хищник, она затаилась в дальнем углу хижины, бросив свою измученную жертву на произвол судьбы. И в эту подаренную передышку, в хрупкое, почти прозрачное тело девушки, хлынула сама жизнь.

Кровь, еще утром вязкая и холодная, теперь текла по венам расплавленным золотом, стучала в висках набатом, пьянила сильнее молодого вина.

Его руки на ее плечах были не просто прикосновением — они были якорем, единственной твердью в этом плавящемся от неистовства мире.

Иванпил ее дыхание, а она в ответ вбирала в себя его соленый пот и жар, становясь с ним единым целым, пульсирующим сгустком плоти. Простыни, еще недавно казавшиеся ледяными, теперь жгли кожу.

Стук их сердец сливался в один рваный, оглушительный ритм, отсчитывающий последние мгновения украденного рая.

Для них не существовало ни прошлого, ни будущего — только этот миг, в котором не было ни боли, ни страха.

А потом наступила тишина, наполненная прерывистым, постепенно обретающим ритм дыханием.

Кира лежала на его плече, вслушиваясь в успокаивающийся гул океана, и чувствовала, как по виску медленно, почти лениво скатывается капля влаги. Она не знала, ее ли это слеза, его ли пот или просто ночная роса, пробравшаяся сквозь москитную сетку.

Кира знала всем своим нутром, что болезнь обязательно вернется — она лишь взяла тайм-аут, затаилась до рассвета.

Но сейчас это не имело никакого значения. Мир сжался до размера их сплетённых пальцев, и в этой крошечной вселенной они ощущали себя бессмертными. Счастье — яркое, оглушительное и почти непереносимое — поддерживало их, не давая свинцовой тени болезни коснуться её разгорячённого лба.

А потом... потом наступило утро.

Солнце на Бали врывается в комнату без стука, нахально, резко, заливая всё ослепительным золотым светом.

Кира стояла у старого, чуть мутного зеркала. В одной руке — деревянная расческа, а другой она машинально наматывала на палец влажную после душа прядь светлых волос. Она сонно щурилась на солнце, а её влажные волосы пахли кокосовым шампунем и чем-то неуловимо родным.

Сзади подошел Ив. Он не сказал ни слова. Просто подошел вплотную, и она почувствовала его всем телом. Его горячие ладони легли ей на талию, притягивая к себе, и он крепко, но бережно обнял её.

Они смотрелись в это старое зеркало и улыбались.

Впереди — она: с чуть припухшими от поцелуев губами и сонной, абсолютно счастливой улыбкой.

А за её плечом — он, с растрепанной челкой и с легкой щетиной.

Иногда люди в отражении выглядят как два отдельных человека. Просто парень и девушка.

А они... они смотрелись в зеркало, и там было единое целое. Неразлучное.

Они дышали в унисон, как один живой организм. Одно огромное сердце на двоих, которое гнало по венам одну и ту же раскаленную кровь.

Они представляли собой не просто красивую пару. Они были настоящим шедевром, достойным восхищения!

В их отражении не было ни грамма фальши, ни капли вчерашней усталости — только чистая, настоящая любовь.

Ив уткнулся носом в её макушку, вдыхая запах её волос, и тихо фыркнул ей в ухо, отчего по её спине побежали самые приятные в мире мурашки:

— Доброе утро, моя вкусная плюшечка.

— Доброе, — прошептала она, не отрывая взгляда от их общего отражения.

— Мы с тобой сейчас просто взорвем это зеркало. Оно не выдержит столько счастья, — сказал Иван.

И они оба тихо рассмеялись, глядя на самих себя. Им не нужно было слов, клятв или громких признаний. Всё, что нужно было знать этому миру, уже было написано прямо на их лицах в этом зеркале: они вместе. Они — одно целое. И это навсегда.

Но вечность обманчива. Она хрупка, как первый осенний лёд.

Кира вдруг качнулась, словно подрубленный стебель. Зеркало пошло рябью, искажая их счастливые силуэты до гротескной карикатуры. Её пальцы разжались, выпуская деревянную спинку щетки, которая беззвучно упала на мягкий ковер.

— Ив... — выдохнула она, цепляясь слабеющими пальцами за его предплечья. Голос был чужим, хриплым шепотом утопающей.

— Ив, что со мной? Я не понимаю...

Слова вязли в воздухе. Опора исчезла, растворилась без следа. Ноги предательски подкосились, превращаясь в беспомощную глину, отказываясь служить своей хозяйке. Одним резким, отчаянным движением он развернул её к себе, принимая всю тяжесть падающего тела. Прижал к груди, сомкнув руки в стальной замок, не давая ей опуститься на пол, пытаясь удержать эту уходящую жизнь собственными руками. Его сердце билось о её ребра пойманной птицы, крича изо всех сил, но звук терялся в тишине комнаты.

Она подняла голову. Её глаза — два глубоких синих омута, в которых он всегда безнадежно тонул, — оказались прямо напротив его глаз. Но это больше не был взгляд его Киры. В них бился короткий, рваный вопрос, мольба о помощи, которую невозможно высказать. А затем зрачки начали расширяться, жадно поглощая остатки света. Жизнь покидала их медленно, тягучими каплями стеклениющей смолы. Блеск угасал, сменяясь мутной, неподвижной пленкой. Взгляд мертвел, обращаясь в холодный, равнодушный хрусталь.

— Кира! — сорвался его голос, проколов глухую пелену утра.

— Кира! Кира! — орал он.

Он тряс ее, впиваясь пальцами в хрупкие плечи, словно пытался вытрясти обратно украденную душу, вернуть тепло в холодеющую плоть. Но обнимал он уже не любимую женщину, а пустоту, закованную в изящную оболочку. Осколки разбитой вечности больно резали ему грудь, а зеркало на стене бесстрастно отражало страшную аллегория: могучий дуб, рыдающий над сломанным цветком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.